

RU**Теоретические аспекты изучения наречий и их верификация на материале русских заговоров Карелии**

Коновалова М. А.

Аннотация. Статья посвящена теоретическим аспектам изучения наречий и их верификации на материале русских заговоров Карелии. Цель исследования состоит в том, чтобы установить, в какой мере ключевые положения теории наречия, выработанные на материале литературного языка, применимы к фольклорному тексту. Материалом исследования послужил корпус из 1343 текстов заговоров, записанных на территории Карелии с XVII по XXI век и включающий 1678 наречных словоупотреблений. В рамках исследования представлен анализ формирования основных положений о категории наречий в русистике с XVIII века по настоящее время. Научная новизна работы заключается в том, что ключевые теоретические положения о наречии впервые системно проверяются на фольклорном (заговорном) материале. Полученные результаты показали, что для заговорного текста характерны следующие особенности: устойчивое количественное преобладание обстоятельственных наречий (71-77%), зависимость состава ядерных определительных наречий от тематической группы заговоров, минимальная частотность предикативов, строгая позиционная закреплённость детерминантов и активное участие адвербиализованных лексем в образовании формул.

EN**Theoretical aspects of studying adverbs and their verification based on Russian incantations of Karelia**

M. A. Konovalova

Abstract. The article is devoted to theoretical aspects of studying adverbs and their verification based on the material of Russian incantations of Karelia. The purpose of the study is to establish the extent to which key tenets of the theory of the adverb, developed on the material of the standard literary language, are applicable to folklore texts. The research material comprises a corpus of 1,343 incantation texts recorded in Karelia from the 17th to the 21st century, including 1,678 adverbial usages. The study presents an analysis of the formation of key provisions regarding the category of adverbs in Russian linguistics from the 18th century to the present. The scientific novelty of the work lies in the fact that key theoretical tenets concerning the adverb are systematically tested for the first time on folklore (incantation) material. The findings demonstrate that incantation texts are characterized by the following features: a stable quantitative predominance of circumstantial adverbs (71-77%), a dependence of the composition of core qualifying (attributive) adverbs on the thematic group of incantations, a minimal frequency of predicatives, a strict positional fixedness of determinants, and the active participation of adverbialized lexemes in formulaic structures.

Введение

Наречие остается одной из наиболее дискуссионных частей речи в отечественном языкознании. Как отмечают современные исследователи, по сей день «состав слов, относимых разными русистами к наречиям, весьма неоднороден» (Панова, Кузьмина, 2022, с. 580). Кроме того, следует отметить, что ключевые положения теории наречия были сформулированы преимущественно на материале литературного языка, а также (в отдельных случаях) диалектной и разговорной речи. В то же время фольклорный текст, обладающий, как отмечал еще И. А. Оссовецкий, собственной грамматической организацией и представляющий собой «сложное явление системного характера» (1975, с. 69), до сих пор оставался за пределами внимания лингвистов, занимающихся теорией частей речи. Наш выбор заговора в качестве материала исследования обусловлен тем, что в этом жанре такие характеристики народного поэтического текста, как клишированность и формульность, достигают максимальной выраженности, и именно эти качества позволили заговору сохраниться

в виде, наиболее близком к первоначальному: А. Н. Афанасьев подчеркивал, что «могучая сила заговоров заключается именно в известных эпических выражениях, в издревле узаконенных формулах; как скоро поэмы или изменены формулы – заклятие недействительно» (2025, с. 26). В этих формулах наречия играют ключевую роль: участвуют в построении важнейших структурных элементов (вступления и закрепи), маркируя сакральное пространство и время.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью проверки универсальности существующих положений теории наречий на материале, обладающем ярко выраженной жанровой спецификой.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- представить в сжатом виде основные теоретические постулаты, касающиеся семантической классификации, синтаксического поведения, состава и границ категории наречия;
- проверить каждое из этих положений на материале корпуса заговорных текстов, опираясь на количественные данные и контекстуальный анализ;
- выявить специфические черты функционирования наречий, обусловленные жанровой природой заговора.

Ключевыми методами, примененными в данном исследовании, являются: описательный (при изложении теоретических положений и характеристике собранного языкового материала); метод сплошной выборки (для извлечения наречий из текстов заговоров и формирования базы данных адвербиальных словоупотреблений); метод количественной обработки и систематизации (для подсчета частотности лексем, определения ядерных единиц и распределения наречий по семантическим разрядам); сопоставительный метод (для сопоставления теоретических положений с фактическим функционированием наречий в заговорном тексте).

Теоретическую базу исследования составили классические труды по теории наречия А. М. Пешковского (1956), А. А. Потебни (1958), Л. В. Щербы (1974), В. В. Виноградова (1986), академическая «Русская грамматика» (1980). Работы А. В. Дегальцевой (2019), Г. И. Пановой и А. Е. Кузьминой (2022), А. Л. Шарандина (2022), В. В. Шигурова и Т. А. Шигуровой (2024) позволили учесть современные дискуссии о границах наречия, статусе предикативных единиц, ядерно-периферийной организации категории и продуктивности процессов адвербиализации. При анализе специфики языка фольклора мы опирались на труды И. А. Осовецкого (1975), исследования С. М. Толстой (2022) и А. Н. Афанасьева (2025), раскрывающие жанровую специфику и формульную природу заговора.

Материалом исследования послужили 1343 русских заговора, записанных на территории Карелии и извлеченных из пяти источников XVII – начала XXI в. Общий объем наречных словоупотреблений, полученных методом сплошной выборки, составил 1678 единиц.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в курсах по морфологии, синтаксису, лексикографии и лингвофольклористике, а также в лексикографической практике при составлении словарей языка фольклора.

Обсуждение и результаты

Наречие прошло долгий путь осмысления в отечественной грамматике, но многие вопросы, поставленные еще первыми грамматистами, сохраняют актуальность в настоящее время. Одно из центральных мест в этом процессе занимает становление семантической классификации наречий, формирование которой началось в XVIII веке. Согласно первым грамматистам (Л. Зизанию и М. Смотрицкому), наречие с морфологической точки зрения понималось как «часть слова несклоняемая» (Грамматика Лаврентия Зизания..., 2000, с. 101), при этом не предлагалось разграничивать наречия в зависимости от семантики. В 1723 году в «Грамматике славенской» Ф. Максимов (1723, с. 65–84) начинает выделять разряды наречий по «знаменованию»: в том числе времени, места, качества по вопрошению, количества и др. М. В. Ломоносов (1952, с. 408) в «Российской грамматике» 1755 года приводит более детальную семантическую классификацию, включающую группы наречий времени, места, качества, количества, уверения, отрицания, сравнения и др. А. А. Барсов доводит количество разрядов наречий до максимума, насчитывая «до 35 разных званий» (1981, с. 149). Обратим внимание на более поздние труды А. Х. Востокова, где предлагается уже двухуровневая классификация по значению, которую исследователь строит на логико-семантической основе, выделяя три группы: «1. Для показания обстоятельств <...>; 2. Для определения подлинности качества, действия или состояния; 3. Для определения меры качества» (1831, с. 182–283). Важнейшее значение для формирования современной дихотомии имеют труды А. М. Пешковского (1956, с. 101), разделившего наречия на обстоятельственные и необстоятельственные. Такое деление было закреплено в академической «Русской грамматике» 1980 г., которая является общепринятой: к обстоятельственным относятся наречия места, времени, причины и совместности; к определительным – качественные (образа действия) и количественные (меры и степени) наречия (Русская грамматика, 1980, с. 702).

Не менее сложную эволюцию претерпел вопрос о синтаксических функциях наречия. Первоначально Л. Зизаний рассматривал наречие лишь как слово, расположенное «перед глаголом или после глагола» (Грамматика Лаврентия Зизания..., 2000, с. 102), а М. Смотрицкий распространял эту связь на причастие и деепричастие. В XX веке взгляд на синтаксическую функцию наречия становится более широким: А. А. Потебня определял наречие как «грамматизованное обстоятельство» (1958, с. 124), подчеркивая его способность выражать признак, связуемый с другим признаком, а А. М. Пешковский (1956, с. 68) указывал, что наречие может

примыкать к глаголу, прилагательному, другому наречию и – в отдельных случаях – к существительному. В. В. Виноградов, помимо традиционных функций наречия как «качественного определения или обстоятельного отношения» (1986, с. 307), отмечал, что обстоятельственные наречия «определяют предложение в целом» (1986, с. 311), то есть выполняют детерминантную функцию. Академическая «Русская грамматика» закрепила эти положения, указав, что наречия, во-первых, «определяют глагол, имя или другое наречие, соединяясь с ним связью примыкания; во-вторых, наречия свободно употребляются в функции сказуемого; в-третьих, наречия определяют предложение в целом» (1980, с. 701). А. В. Дегальцева (2019, с. 37) уточняет, что для таких наречий – детерминантов – может быть характерна отнесенность не только к целому предложению, но и «к нескольким его компонентам одновременно», а также преимущественно инициальная позиция. Классическая теория, однако, не устанавливает жесткой связи между семантическим разрядом наречия и его позицией в предложении.

Особого внимания заслуживают предикативные наречия, то есть слова, способные выступать в функции сказуемого. Первые наблюдения над такими единицами встречаются уже в трудах А. Х. Востокова, который выделял отдельную категорию наречий «для определения подлинности» (1831, с. 183) качества, действия или состояния. Решающий шаг в осмыслении этих единиц был сделан Л. В. Щербой (1974, с. 89), разработавшим учение о «категории состояния» как особой самостоятельной части речи с указанием на то, что наречие к ним не относится. Эта концепция нашла поддержку в работах других грамматистов, а в 1950-х гг. вызвала на страницах журнала «Вопросы языкознания» активную дискуссию, в ходе которой высказывались аргументы как за, так и против выделения этих слов в самостоятельную часть речи. На современном этапе обе эти точки зрения сосуществуют: например, академическая «Русская грамматика» сохраняет широкий подход, рассматривая предикативные наречия как особый подкласс наречий, в то время как часть исследователей, например, Г. И. Панова и А. Е. Кузьмина придерживаются узкого: «Необстоятельные наречия в функции сказуемого в двусоставном предложении – это предикативы, не относящиеся ни к какой части речи» (2022, с. 582). А. Л. Шарандин, в свою очередь, определяет такие единицы как «класс номинативных слов, которые обозначают актуализированный качественный признак (качественное состояние)» и подчеркивает, что их «основной синтаксической функцией является функция предиката» (2022, с. 86). Таким образом, статус предикативов по-прежнему является одним из наиболее дискуссионных вопросов теории частей речи.

Дискуссии затрагивают и вопрос об однородности категории наречия. А. А. Шахматов, понимая ее широко, включал в нее единицы, которые впоследствии были отнесены к модальным словам, частицам и союзам. Подход Шахматова вызвал критику со стороны В. В. Виноградова (1986, с. 285), который выделял лишь четыре грамматических разряда наречий (предметно-обстоятельные, качественные, числовые, процессуальные), но признавал возможность перехода наречий из одного разряда в другой. На современном этапе исследователи отмечают, что «в русском языке имеются группы слов, которые исконно совмещают свойства наречия и какой-либо другой части речи» (Панова, Кузьмина, 2022, с. 580), связывая эту неоднородность прежде всего с продуктивностью процессов адвербиализации. Адвербиализация привлекает внимание грамматистов уже давно: в начале XX века ее детально исследовал А. А. Шахматов (1927, с. 95), рассматривая возможности перехода в наречие существительных, прилагательных, глаголов, деепричастий, местоимений. А. М. Пешковский также подчеркивал, что «наречия (кроме первообразных) и по сию пору хранят на себе довольно ясные следы своего происхождения» (1956, с. 143), и ввел понятия «полунаречия» и «полунаречные обороты» для обозначения единиц, занимающих промежуточную позицию между частями речи, в том числе предложно-падежных форм существительных. В. В. Виноградов уточнил это положение, указав, что формы творительного падежа, способные обособляться в самостоятельные наречия, «являются в современном языке гибридными наречно-субстантивными образованиями» (1986, с. 147). В. В. Шигуров и Т. А. Шигурова, еще более подробно исследуя процесс перехода существительных в наречия, разработали шкалу переходности: «ядерное существительное – периферийное существительное – периферийное наречие – ядерное наречие» (2024, с. 114). Тем самым научная мысль пришла от констатации факта адвербиализации к пониманию ее как сложного ступенчатого процесса.

Однако, как было замечено ранее, приведенные выше теоретические положения практически не проверялись на фольклорном материале, в связи с чем мы обращаемся к заговору. В фокусе нашего внимания оказываются несколько взаимосвязанных вопросов: какие разряды наречий представлены в заговорном тексте и каково количественное соотношение между обстоятельными и определительными наречиями; как реализуются синтаксическая полифункциональность и позиционная закреплённость наречий; какова частотность предикативных единиц; а также в какой мере представлены адвербиализованные формы.

Количественный анализ наречной лексики, проведенный нами на материале корпуса заговорных текстов, подтверждает, что обстоятельные наречия (места, времени, причины и совместности) преобладают над определительными (образа действия, меры и степени): в лечебных и промысловых заговорах их доля составляет 71% против 29%, а в заговорах, регулирующих отношения между людьми, достигает 77% против 23%. Это отражает первостепенную значимость пространственно-временной организации магического действия для жанра заговора. Особая роль наречий в вербализации хронотопа проявляется в том, что они выступают в заговоре одним из важнейших инструментов локализации события в пространстве и времени. Пространственные наречия (в т. ч. их диалектные, фонетические и словообразовательные варианты) «там» (71 словоупотребление), «тут» (44), «дверями» (99), «воротами» (59), «домой» (30), «прочь» (26) и др. маркируют позицию или перемещение персонажа, а также направление магического действия. Так, в зачине заговора регулярно встречаются инициальные формулы пути: «Выйду я, раба Божия (имя) из комнаты *дверями*, из сеней

сентями, из ворот *воротами*» (Ершов, Логинов, 2022, с. 130). В лечебных заговорах пространственные наречия участвуют в формулах изгнания болезни, задавая направление удаления недуга из тела человека: «...ты, глущая медь или железо, за что в себе здеяти, иди от человека сего *проч(ь)*» (Олонецкий сборник, 2010, с. 112). В скотоводческих заговорах центральными становятся наречия «домой» и «дома», фиксирующие возвращение скота в «свой» локус: «Где моя скотина не ходи, а *домой* приходи!» (Мансикка, 1926, с. 227); «Плод да живот *домой* понесла, тоску и печаль назади оставляй» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 122). Временные наречия, во-первых, обозначают актуальный момент совершения ритуала или осуществления желаемого действия: «днем» (69), «ночью» (69): «Чтобы он болел и болезновал по рабе Божьей (имя) *днем* при дороги, *ночью* при постели» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 34). Во-вторых, временную перспективу результата определяют сакральная формула «и ныне, и присно, и во веки веков» и ее варианты (330): «Так бы и собирались малое (милое) мое стадо на означенное место, <...> *всегда, ныне и присно*» (Рыбников, 1991, с. 224), «*Вики пувики, отыни дувики*» (Мансикка, 1926, с. 214). Именно наречия, наряду с предлогами и глагольными приставками пространственной семантики, обеспечивают направленность заговора, которая позволяет ему, по представлению носителей традиции, воздействовать на реальность и производить необходимые изменения.

Состав ядерных лексем в группе определительных наречий обнаруживает более ярко выраженную зависимость от тематической группы. В лечебных заговорах наречие «крепко» (10) совмещает характеристику желаемой интенсивности физиологических процессов с ритуально-закрепительной функцией в финальной части текста: «Кора как не отстаёт, так бы и у раба [имя] руда ставала, *крепко*, плотно» (Мансикка, 1926, с. 205); «трижды» (17) реализует магическую семантику троекратности: «Троицька велела, Богородицька велела: *трижды, трижды* окунутье, *трижды* выкупатье и из водицьки вон» (Ершов, Логинов, 2022, с. 91); «скоро» (9) используется в параллелистических конструкциях, задающих объекту желаемую скорость исцеления: «И кол(ь) яз, раб Б(о)жий имярек, говорю *скоро* сей стих, тол(ь) бы *скоро* у сего раба Б(о)жия имярек ся болез(нь) стала золота с ыголные уши» (Олонецкий сборник, 2010, с. 96). В заговорах, регулирующих отношения между людьми, ядро формируют лексемы, связанные с метафорой горения: «жарко» (7), «пылко» (3), «ярко» (2): «Кол(ь) *жарко* в сем горне золотом угол(ь)е дубовое, тол(ь) бы *жарко* шаяло сердце у вомры рабы имярек по мне» (Олонецкий сборник, 2010, с. 141). Среди наречий меры и степени здесь доминируют «паче» (5), «пуще» (3) и «больше» (2), выражающие исключительную степень желаемого признака: «Пусть все холостые, все женихи, а суженый, ряженный *пуще* всех по мне, девки, кипел» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 30). В хозяйственных заговорах ядро составляют «крепко» (24), «плотно» (11) и «твёрдо» (5), формирующие синонимический ряд, который оформляет «магию непоколебимости» – обеспечение устойчивости, фиксации и неразрывной связи объекта заговора (скота, пастуха, огороды) с желаемым состоянием или местом: «Сколь *плотно* и *крепко* стоит эта подвалина, столь *плотно* и *крепко* стой ета крестьянская скотиночка» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 127-128). Таким образом, количественные данные подтверждают, что базовая семантическая классификация наречий может быть успешно применена к заговорному материалу. При этом выявляются две обусловленные жанром особенности: устойчивое преобладание обстоятельственных наречий, обеспечивающих моделирование ритуального хронотопа, с одной стороны, и тематическая специализация ядерных определительных наречий, набор которых напрямую продиктован прагматикой конкретной группы заговоров, – с другой.

Синтаксическое поведение наречий в заговорах в целом соответствует теоретическим представлениям о полифункциональности. Обстоятельственные наречия обнаруживают наибольшую гибкость: помимо основной для них присловной функции (примыкание к глаголам движения и состояния: «*пойду* перекрестясь из избы *дверьми*, из двора *воротами* во чисто поле *путем-дорогою*» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 75)), они активно реализуют детерминантную, относясь ко всему высказыванию в целом. В таких случаях наблюдается позиционная закреплённость в зависимости от разряда наречия и его расположения в определенном структурном элементе текста. Так, местоименные наречия места в формуле центра мира часто имеют инициальную позицию, организуя пространственную рамку повествования, в то время как наречия времени в составе сакральной формулы, напротив, преимущественно занимают финальную позицию, подводя итог и утверждая необратимость магического акта: «Стану я благословесь, *пойду* перекрестесь, выду в цистое полё. Там лёжыт мёртвое тело, ни здымаются руки, ни гибаются ноги, не говоря грубо щоки, так бы у раба Божья не здымались руки на рабу Божью, ни гибалисе ноги, ни говорили грубо щоки, *век пувику, отыни дуву*. Аминь» (Мансикка, 1926, с. 221). Согласно С. М. Толстой, наличие в заговоре таких формул – «клишированных фрагментов, устойчивых в своем содержании (мотивах) и языковой форме, повторяющихся во многих текстах...» (2022, с. 152) – является одной из важнейших характеристик жанра, а наречия благодаря своей способности задавать пространственные и временные координаты оказываются ключевым элементом таких формул. Определительные наречия, в отличие от обстоятельственных, ограничены присловной функцией: они характеризуют качество или интенсивность конкретного действия или признака, примыкая к глаголу, причастию, другому наречию, а в отдельных случаях – к существительному: «Как эта тяга *крепка*, чтобы так спал ребенок *крепко*» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 60); «*Плотно* замкнуты и *крепко* заложены мои слова» (Мансикка, 1926, с. 215); «*Не было* у рабы Божьей Марьи не боли, ни руды, <...> ни *днем*, ни *ночью*, ни *утром рано*, ни *вечером поздно*» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 86). Детерминантное употребление для определительных наречий нехарактерно, что соответствует их семантике. Сопоставляя полученные данные с теоретическими положениями, можно заключить, что тезис о полифункциональности наречия полностью подтверждается. Позиционная закреплённость детерминантов, которая в литературном языке проявляется

лишь как тенденция (отмеченная А. В. Дегальцевой преимущественно инициальная позиция), в заговорном тексте приобретает большую строгость, что обусловлено его формульной природой.

Как мы отмечали ранее, теоретические исследования фиксируют особый статус предикативных наречий, что требует отдельного анализа этой категории. В текстах заговоров предикативные наречия представлены единичными лексемами «надобно», «любо», «доволоне», «пора», «непригоже», «полно» и др. Они выступают в роли главного члена безличных предложений, обозначая состояние или его оценку: «У меня у хозяина всего доволоне, пей и еш» (Мансикка, 1926, с. 226), «*Надобно* кузница золотая соружат(и), и *надобно* горно золотое соружат(и)» (Олонецкий сборник, 2010, с. 141), «*Полно* тебе грызть живот, сердце» (Ершов, Логинов, 2022, с. 131). Обращает на себя внимание незначительное количество предикативных наречий (в исследуемом корпусе обнаружено 31 вхождение) в общем объеме адвербиальной лексики заговоров, в то время как обстоятельственные и определительные наречия исчисляются сотнями словоупотреблений (1286 и 361 единица соответственно). Данный факт объясняется жанровой прагматикой: заговор ориентирован на описание объективных пространственно-временных характеристик действий и перемещений, а не на выражение внутреннего состояния или оценки ситуации говорящим. Соответственно, предикативные наречия, специализирующиеся именно на передаче значения состояния, оказываются на периферии заговорной лексики, что составляет специфическую черту фольклорного материала. Тезис о продуктивности адвербиализации также убедительно подтверждается заговорным материалом. Среди обстоятельственных наречий частотны адвербиализованные существительные – такие падежные формы, как «дверями», «воротами» и т. п., которые в сочетании с однокоренными предложно-падежными формами образуют устойчивые конструкции: «Пойдет из *дверьми* *дверями*, из *сений* *сеньми*, из *ворот* *воротами*» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 304). Аналогичную природу имеет наречие «дорогой»: «Стар муж идет дорогой» (Олонецкий сборник, 2010, с. 98). Помимо пространственных «полунаречий», в заговорных текстах широко представлены и адвербиализованные лексемы с временным значением: «днем», «ночью», «утром», «вечером». Такие наречия участвуют в формировании устойчивых перечислительных рядов, которые распространяют магическое действие на все отрезки суточного цикла: «Не играй, ни теши раба Божья младеня, ни *днем*, ни *ночью*, ни *вицёру*, ни *поутру*» (Мансикка, 1926, с. 200). Заговорный материал демонстрирует, что в фольклорном тексте адвербиализованные единицы образуют устойчивые конструкции, в которых их грамматическая форма зачастую поддерживается фонетическим параллелизмом (ср.: «двермы» – «воротмы», «дверями» – «воротами»). Таким образом, анализ языкового материала русских заговоров Карелии показывает, что наречие, сохраняя свои базовые классификационные и функциональные характеристики, обнаруживает ряд особенностей, обусловленных формульной организацией и магической прагматикой жанра.

Заключение

Анализ ключевых положений теории наречия и их верификация на материале русских заговоров позволяют сделать следующие выводы в соответствии с поставленными задачами:

1. Были систематизированы ключевые положения теории наречия, разработанные в российской грамматической традиции: дихотомия обстоятельственных и определительных разрядов, признание синтаксической полифункциональности (присловная, детерминантная, предикативная функции), представление о неоднородности категории и продуктивности адвербиализации как источника ее пополнения. Определено, что данные теоретические положения были сформулированы преимущественно на материале литературного языка и ранее не подвергались комплексной проверке на фольклорном тексте, в частности на заговорном.

2. Перечисленные положения проверены на материале корпуса из 1343 заговорных текстов, включающем 1678 наречных словоупотреблений. Установлено, что базовая семантическая классификация полностью применима к заговорному материалу: все наречия распределяются по обстоятельственным и определительным разрядам. Количественный анализ показал устойчивое преобладание обстоятельственных наречий (71% в лечебных и хозяйственных заговорах, 77% – в любовных). Тезис о полифункциональности подтвердился: обстоятельственные наречия реализуют как присловную, так и детерминантную функции, а их позиционная закрепленность (инициальная у локальных, финальная у темпоральных детерминантов) обусловлена композицией и формульной организацией текста.

3. Выявлены специфические черты функционирования наречий, обусловленные жанровой природой заговора. Во-первых, состав ядерных определительных наречий продиктован принадлежностью заговора к определенной тематической группе (в лечебных заговорах преобладают лексемы со значением интенсивности и кратности – «крепко», «трижды», «скоро»; в любовных – метафоры горения – «жарко», «пылко», «ярко»; в хозяйственных – «магии непоколебимости» – «крепко», «плотно», «твердо»). Во-вторых, объем предикативных наречий значительно ограничен («надобно», «любо», «пора» и др.), что объясняется прагматической ориентацией жанра на внешнее действие, а не на выражение субъективной оценки или модальных значений. В-третьих, адвербиализованные формы, относимые рядом исследователей к периферии категории, активно участвуют в образовании устойчивых формульных конструкций.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в сопоставительном анализе функционирования наречий в заговорах других регионов и фольклорных жанров, а также в более детальном изучении синтаксического поведения наречий в формульном тексте, что позволит уточнить границы применимости теоретических моделей, разработанных на материале литературного языка.

Материалы исследования | Research materials

1. Ершов В. П., Логинов К. К. Потаенный фольклор Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск: ВЕРСО, 2022.
2. Мансикка В. Й. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // *Sbornik filologicky / Trida Ceske akademievedaumeni*. Vydava III. Praha, 1926.
3. Олонецкий сборник // Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Издательство «Индрик», 2010.
4. Русские заговоры Карелии / сост. Т. С. Курец. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000.
5. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. / под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3.

Источники | References

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Издательство Юрайт, 2025. Т. 1.
2. Барсов А. А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М.: Издательство Московского университета, 1981.
3. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986.
4. Востоков А. Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб.: Тип. В. Глазунова, 1831.
5. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Издательство Московского университета, 2000.
6. Дегальцева А. В. Адвербиальные комплименты как детерминирующие члены предложения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. Вып. 1. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-36-39>
7. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг.
8. Максимов Ф. Грамматика славенская. СПб.: Типография Александро-Невского монастыря, 1723.
9. Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5.
10. Панова Г. И., Кузьмина А. Е. Проблема определения диапазона наречия в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-580-583>
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
12. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1.
13. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.
14. Толстая С. М. Наблюдения над сербскими заговорами: формулы аномальности // Славянский мир в настоящем и прошлом: памяти Владимира Павловича Гудкова (Москва, 24–25 мая 2021 г.). М.: МАКС Пресс, 2022.
15. Шарандин А. Л. Категория репрезентации в системном описании частей речи русского языка // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сборник научных статей. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022.
16. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1927. Вып. 2: Учение о частях речи: дополнения.
17. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Частеречные омонимы как следствие ступенчатой транспозиции творительного падежа существительных в наречие // Филология: научные исследования. 2024. № 10. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.10.71810>
18. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974.

Информация об авторах | Author information**Коновалова Мария Александровна¹**¹ Петрозаводский государственный университет**Mariia Aleksandrovna Konovalova¹**¹ Petrozavodsk State University¹ konovmasha@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 15.07.2026; опубликовано online (published online): 26.08.2026.

Ключевые слова (keywords): язык фольклора; русские заговоры Карелии; семантические группы наречий; синтаксические функции наречий; предикативные наречия; folklore language; Russian incantations of Karelia; semantic groups of adverbs; syntactic functions of adverbs; predicative adverbs.